

НОВЫЯ КНИГИ

Julius Schmidhauser. Der Kampf um das geistige Reich. Hanseatische Verlagsanstalt. Hamburg.

Блестящая, замѣчательная книга, проникнутая профетическимъ духомъ. Ея формальный недостатокъ есть слишкомъ богатое содержаніе, слишкомъ широкій размахъ. Книга Шмитгаузера какъ будто бы посвящена проблемѣ университета, духовной исторіи университета, отъ университета средневѣковаго до университета коммунистическаго. Но проблема университета превращается въ проблему универсума, въ исторію европейскаго духа вообще. И связь всѣхъ проблемъ духа съ университетомъ иногда кажется несущественной. Для насъ русскихъ книга эта представляетъ особенный интересъ и должна быть особо отмѣчена. Ибо первый разъ быть можетъ въ западной мысли такъ рѣшительно утверждается значеніе русскаго православія, русской христіанской мысли въ борьбѣ за духовное царство. Для Шмитгаузера русское православіе, представленное современными религіозными мыслителями, дѣлается внутреннимъ факторомъ въ духовной исторіи Европы. Шмитгаузеръ — протестантъ, но онъ выходитъ за предѣлы протестантизма, ему не свойственна конфессіональная узость, онъ проникнутъ экюменическимъ духомъ. Этимъ онъ очень отличается отъ того современнаго возрожденія протестантизма, которое связано съ бартіанствомъ. Онъ устремленъ къ новой эпохѣ въ христіанствѣ, къ христіанству іоанновому и это сближаетъ его съ русскими духовными исканіями. Книга его боевая и не случайно носить названіе «Борьба». Въ книгѣ есть двѣ разныя части. Она обращена къ прошлому и даетъ характеристику разныхъ духовно-культурныхъ эпохъ и она обращена къ будущему, ведетъ борьбу за духовное царство. Характеристики средневѣковья, ренессанса, реформации, просвѣщенія, романтизма — блестящія и иногда очень проникновенныя. Но нѣкоторыя характеристики односторонни и слишкомъ подчинены интеллек-

туальной схемѣ. Такъ одностороння характеристика средневѣковаго католичества, какъ аристотелизма. Аристотелизмъ былъ господствующимъ элементомъ средневѣковой католической мысли. Но Шмитгаузеръ какъ будто бы забываетъ, что святые и мистики не менѣе существенны для характеристики средневѣковаго католичества, чѣмъ богословы и схоластическіе философы. Шмитгаузеръ съ большой симпатіей говоритъ о русскомъ православіи, но столь же односторонней нужно признать его характеристику православія, какъ платонизма и своеобразнаго гнозиса. Это лишь одно изъ теченій въ русской православной мысли. Платоникомъ былъ Вл. Соловьевъ, платониками можно назвать о. П. Флоренскаго и о. С. Булгакова, какъ платониками были греческіе учителя церкви. Но славянофилы были въ очень малой степени платониками, не можетъ быть названъ платоникомъ Достоевскій, рѣшительнымъ антиплатоникомъ былъ столь характерный русскій мыслитель, какъ Н. Ѳедоровъ. Про себя долженъ сказать, что не вѣрно характеризовать мое міросозерцаніе, какъ платонизмъ. Это противорѣчитъ моему актуалистически-динамическому и персоналистически-антропологическому пониманію христіанства. Для русскаго христіанства характерны также апокалиптическія настроенія и исканіе царства Божьяго, какъ царства правды не только на небѣ, но и на землѣ. Поэтому мнѣ представляется не совсѣмъ вѣрнымъ характеризовать внѣдреніе въ европейское сознаніе русскаго христіанства, какъ Платоновской Академіи. Это вѣрно лишь относительно, лишь въ противоположеніи западному аристотелизму. Шмитгаузеръ утверждаетъ, что столь цѣнимый имъ русскій типъ духовности по преимуществу гностическій и ему не достаетъ сознанія религіознаго значенія проблемы труда. Но исканіе соціальной правды есть по преимуществу русское исканіе и не случайно въ Россіи оказался возможенъ коммунизмъ. Весь послѣдній періодъ моей дѣятельности посвященъ въ значительной степени христіанской постановкѣ соціальнаго вопроса и вопроса о трудѣ. Этотъ мотивъ всегда существовалъ въ русской религіозной мысли XIX вѣка. Но многія черты русской религіозной мысли и русскаго духовнаго типа схвачены Шмитгаузеромъ вѣрно, особенно въ противопоставленіи мысли католической и протестантской.

Съ точки зрѣнія феноменологіи духовно-культурныхъ типовъ книга Шмитгаузера очень богата. Она охватываетъ все духовное содержаніе европейской исторіи. Шмитгаузеръ постоянно примѣняетъ столь характерную для современной нѣмецкой мысли категорію судьбы, совсѣмъ не свойственную мысли французской. Но есть опасность впасть въ историческій

релятивизмъ многообразныхъ типовъ. Шмитгаузеръ христіанинъ и, конечно, признаетъ абсолютность христіанства. Но при такой связанности христіанина судьбой историческаго типа средневѣковья, ренессанса, реформаціи, просвѣщенія, романтизма и т.д. очень трудно прорваться къ абсолютности христіанства и трудно дѣлать оцѣнки историческихъ эпохъ духа съ точки зрѣнія Христовыхъ завѣтовъ. Это и есть слишкомъ большая зависимость отъ судьбы, какъ власти времени, власти эпохи. Это особенно чувствуется, когда Шмитгаузеръ переходитъ къ нашей эпохѣ и къ борьбѣ за будущее. Онъ не свободенъ отъ идеализаціи современной эпохи, современной молодежи. Шмитгаузеръ все-таки слишкомъ оптимистъ, онъ слишкомъ оптимистически смотритъ на нашу эпоху. Но наша эпоха очень двойственна и въ ней дѣйствуютъ демоніакальныя силы. Шмитгаузеръ идеализируетъ національ-соціализмъ, хотя онъ въ своихъ оцѣнкахъ остается вполне свободнымъ. Шмитгаузеръ — швейцарецъ, живетъ внѣ Германіи и не долженъ приспособляться къ тому, что приказываетъ гитлеровское правительство. Но его плѣняетъ мистическое народничество, которое онъ видитъ въ гитлеризмѣ, элементъ народно-теллурической. Это самая слабая сторона книги. Гитлеризмъ въ той формѣ, въ какую онъ вылился въ Германіи, есть явленіе духовно-реакціонное и антихристіанское. Соціально это есть возстаніе мелкой буржуазіи и мѣщанства разомъ и противъ пролетарскаго соціализма и противъ всякаго интеллектуальнаго аристократизма. Националь-соціализмъ есть возвратъ къ языческому націонализму и языческому обоготворенію государства и національности, требованіе отъ христіанъ поклоненія Кесарю. Фашизмъ и особенно національ-соціализмъ съ христіанской точки зрѣнія хуже коммунизма, ибо коммунизмъ открыто и прямо объявляетъ себя врагомъ христіанства и преслѣдуетъ христіанъ, фашизмъ же и національ-соціализмъ хочетъ превратить христіанство и церковь въ свое послушное орудіе. У Шмитгаузера недостаточно выявленъ глубокой конфликтъ между націонализмомъ (не национальностью, конечно) и христіанской вселенскостью. Онъ не вполне освободился отъ романтизма нѣмецкаго типа и отъ романтическаго націонализма. Мистическій натурализмъ, столь свойственный нѣмцамъ, есть романтизмъ. Это я ему болѣе всего бы поставилъ въ упрекъ. Национализмъ, столь сейчасъ терзающей міръ, не есть рожденіе новаго міра, а есть смертельныя судороги стараго міра, онъ есть продолженіе міровой войны. Шмитгаузеръ хорошо говоритъ о томъ, что въ 'соціальныхъ движеніяхъ нашего времени сталкиваются вліяніе Маркса и Ницше и вліяніе Ницше повидимому побѣждаетъ. Онъ видитъ это вліяніе въ фашизмѣ, національ-

соціалізмъ, въ одержимости молодежи волей къ могуществу, въ склонности къ диктатурѣ и выдвиганію вождей. Но это соціальное вліяніе Ницше есть самая страшная иронія его посмертной судьбы. Самъ Ницше былъ асоціаленъ, былъ аристократъ духа и, конечно, не принялъ бы соціальныхъ результатовъ своего вліянія. Эти соціальные результаты есть самое антихристіанское, римско-кесаревское въ ницшеанствѣ. Шмитгаузеръ говоритъ о демоніи государства, но онъ недостаточно рѣзко и отчетливо вскрываетъ антихристіанскій характеръ царства кесаря, стремящагося къ самообоготворенію. Духовное царство, за которое онъ борется, трѣбуетъ борьбы противъ современныхъ притязаній царства кесаря, противъ современныхъ его обоготвореній. Шмитгаузеръ предвидитъ, что на смѣну римско-германской культуры придетъ культура германо-славянская. Подъ славянами тутъ нужно имѣть ввиду главнымъ образомъ русскихъ, сомнительныхъ славянъ. Русская мысль дѣйствительно болѣе связана съ германской мыслью и германской духовной культурой, чѣмъ съ мыслью и культурой латинской или англо-саксонской. И сближеніе тутъ возможно. Но это сближеніе нельзя мыслить въ планѣ государственно-политическомъ. Нѣмецкая, особенно прусская государственность, — наслѣдница Рима по Шмитгаузеру, враждебна Россіи и русскому народу. Нѣмецкій націонализмъ непереносимъ для русскаго сознанія. Нужно дѣлать различіе между умственной и духовной культурой Германіи и ея агрессивнымъ націонализмомъ, ея имперіалистической волей, волей къ экспансіи. Гитлеризмъ враждебенъ старой духовной культурѣ Германіи.

Очень остро и въ значительной степени вѣрно то, что Шмитгаузеръ говоритъ о бартіанствѣ. Существуютъ разныя признанныя формы демоній — демонія націонализма, этатизма, соціализма и пр. Но есть еще одна демонія — демонія теологизма, демонія теологическаго самомнѣнія и самоутвержденія. Шмитгаузеръ видитъ уклонъ къ этой демоніи въ К. Барть и его направленіи. На это до сихъ поръ не было обращено достаточнаго вниманія. Демонія теологизма представляетъ несомнѣнную опасность для христіанства и всегда его искажала. Въ своей антропологии Шмитгаузеръ видитъ челоуѣка прежде всего, какъ образъ и подобіе Бога-Творца, и потому тоже какъ творца. Эта точка зрѣнія рѣдко выражается въ западной христіанской антропологии, какъ католической, такъ и протестантской, и она ближе русской христіанской мысли. Также Шмитгаузеръ раскрываетъ начало любви въ духовномъ царствѣ, что совсѣмъ не характерно для протестантизма, ибо въ немъ первична вѣра и все остальное закрываетъ. Въ борьбѣ Шмитгаузера за духовное царство звучатъ новые, творческіе христіанскіе мотивы,

онъ выходитъ за границы историческихъ конфессій. Это особенно цѣнно въ его книгѣ. Формально философски въ его книгѣ недостаточно выяснено, что такое духъ и каково отношеніе духа къ природной стихіи. Но въ книгѣ его чувствуется напряженная духовность. Онъ врагъ интеллектуализма, но онъ можетъ быть придаетъ слишкомъ большое значеніе интеллектуальной сторонѣ религиозной жизни въ своей характеристикѣ христіанскихъ типовъ. Проблема будущаго университета остается все-таки неразрѣшенной. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, написана съ большой концентрированностью и силой, въ своеобразномъ стилѣ и ее можно горячо рекомендовать, она пробуждаетъ и возбуждаетъ христіанскую мысль.

Николай Бердяевъ :

G. I. Hering. Dieu et César. La carance des églises devant le problème de la Guerre.

Въ христіанскомъ мірѣ Запада сейчасъ происходитъ очень интересное явленіе, которое можно было бы назвать пробужденіемъ христіанской совѣсти. Это пробужденіе и очищеніе совѣсти происходитъ пока въ христіанскомъ меньшинствѣ, у большей массы, заполняющей христіанскія церкви всѣхъ вѣроисповѣданій, совѣсть въ отношеніи къ вопросамъ социальнымъ все еще находится въ дремотномъ состояніи. Но всякое новое движеніе духа начинается съ меньшинства. Послѣ дѣла совершеннаго Константиномъ Великимъ, послѣ соединенія христіанской церкви съ царствомъ кесаря христіанская совѣсть въ отношеніи къ жизни социальной подверглась внушеніямъ и давленіямъ государства, она не была свободна и ея оцѣнки и сужденія стали иными, чѣмъ въ первые вѣка христіанства. Сейчасъ христіанство выходитъ изъ Константиновской эпохи и по новому ставятся вопросы связанные съ отношеніемъ христіанства къ велѣніямъ царства кесаря. Всѣ монистическія системы сліянія церкви и государства, царства Божьяго и царства кесаря рухнули и привели къ конфликтамъ, передъ которыми сейчасъ поставлена христіанская совѣсть. Конфликты эти достигли трагической остроты. Христіане принуждены сейчасъ вспомнить объ евангельскихъ завѣтахъ, къ которымъ въ теченіе долгаго времени отношеніе было главнымъ образомъ риторическое. И нѣтъ болѣе остраго конфликта для христіанской совѣсти, чѣмъ конфликты связанные съ отношеніемъ къ войнѣ. Въ этой точкѣ происходитъ абсолютное столкновеніе